

в сфере образования аналитических и исследовательских межпредметных компетенций обучаемых, развитием креативной индустрии как особой формы синтеза интеллектуальных практик представителей науки, бизнеса, искусства, конфессий и др., а также с восстановлением и дальнейшим повышением авторитета науки в средствах массовой информации. В праксеологическом аспекте научная парадигма должна и может стать главным инструментом решения перманентно обостряющейся проблемы культуры человеческих потребностей, в частности ее практических приложений в инновационной деятельности. Здесь перспективы более обнадеживающие: лет 20 назад понятие «наукоемкая продукция» в ментальном пространстве широкого социума было где-то далеко на периферии. Сегодня это рабочий термин в повседневной коммуникации. В рамках праксеологического аспекта ассимиляция ментальной схемы науки в широком социуме будет стимулироваться объективными процессами нарастания значимости науки и научно-технической сферы в естественном укладе жизни представителей техногенной цивилизации, а также процессом становления экономики знаний, в частности ресурсо-ориентированной экономики как ее перспективного глобального варианта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Саган К. Мир, полный демонов: Наука – как свеча во тьме : пер. с англ. М., 2014.
2. Стёпин В. С. Теоретическое знание. М., 2003.
3. Стёпин В. С. Культура // Новая философская энциклопедия : в 4 т. М., 2010. Т. 2.
4. Стёпин В. С. Конструктивные и прогностические функции философии // Вопр. философии. 2009. № 1. С. 5–10.
5. Половинкин С. М. Все // Вопр. философии. 2002. № 4. С. 31–42.
6. Зотов А. Ф. Вот и все // Вопр. философии. 2002. № 4. С. 43–49.
7. Лукашевич В. К. Принципы креативного взаимодействия предметного, нормативного и рефлексивного знания в современной науке // Вестн. БГЭУ. 2013. № 5. С. 98–102.
8. Фреско Ж. Все лучшее, что не купишь за деньги. М., 2002.
9. Яблонский А. Н. Математические модели в исследовании науки. М., 1986.
10. Шавель С. А. Социальные инновации в жизни общества // Наука и инновации. 2007. № 4. С. 33–52.
11. Лукашевич В. К. Трансдисциплинарные исследования в контексте социального заказа науке // Императивы творчества и гармонии в проектировании человекообразных систем : материалы Междунар. науч. конф. (Минск, 15–16 нояб. 2012 г.). Минск, 2013. С. 43–46.
12. Ulmos J. La pensee scientifique moderne. Paris, 1958.
13. Васильева И. Л. Парадигмальные характеристики социотехнического проектирования // Вестн. БГЭУ. 2005. № 3. С. 47–52.

Поступила в редакцию 27.02.2015.

УДК 327:57

И. И. АНТОНОВИЧ,
ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР (МОСКВА)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ КАК ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ УГРОЗА ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Отмечается, что после распада СССР пять новых стран Средней Азии – Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан – пережили два очень трудных десятилетия. Сюда устремились многочисленные миссионеры-ваххабиты из Саудовской Аравии и других стран Аравийского полуострова. Пользуясь неограниченными средствами, они вербуют из числа молодежи своих сторонников, цель которых – свержение нынешней власти и установление шариатского правления. Рассмотрены проблемы противодействия этому в Казахстане и Кыргызстане.

Ключевые слова: радикальный джихадизм; социальная солидарность; евразийская интеграция.

After the collapse of the USSR five newly formed countries of Central Asia – Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Uzbekistan have gone through two very difficult decades. They have been subjected to the flow of numerous missionaries mostly from Saudi Arabia and other countries of Arabian Peninsula who preached wakhabism. Enjoying the unlimited means they hire supporters among young people pushing them to overthrow the local authorities and introduce the sharia laws into the system of governance. The ways to counteract the tendencies in Kazakhstan and Kyrgyzstan are considered.

Key words: radical jihadism; social solidarity; Eurasian integration.

Идея организации евразийского экономического и социального пространства, объединяющая постсоветские государства, была продиктована внутренними и внешними политическими и экономическими причинами. Инициатором движения к объединению в масштабах Евразии стал президент Казахстана Н. А. Назарбаев.

Через три года после распада СССР, 20 сентября 1994 г., в Алма-Ата состоялась Международная научно-практическая конференция «Евразийское пространство: интеграционный потенциал». Президент Казахстана Н. А. Назарбаев инициировал обсуждение евразийской интеграции и с тех пор стал одним из наиболее убежденных, последовательных и настойчивых сторонников идеи.

Чрезвычайно важной здесь была ориентация не только на честное экономическое сотрудничество, но и на социально-культурную интеграцию. В частности, выступая на конференции, Н. А. Назарбаев отметил: «Проект ориентирован на гуманистические, общечеловеческие ценности, оказавшиеся на какое-то время утраченными. У нас у всех общая вековая история, традиции совместного бытия, культурное наследие, общая человеческая судьба. Тысячи и тысячи людей, освобождавшие Украину, – и первоцелинник, приехавший из Смоленщины в Казахстан, и инженер из Беларуси – не могут смириться с мыслью, что отныне мы отгорожены друг от друга границами и таможенями, теми стенами и барьерами, каких никогда не знала история наших стран» [1].

Сегодня Евразийский союз стал новой геополитической реальностью. Его интеграция в мировые экономические, социально-культурные связи, системы взаимозависимости и подчинения, характеризующие международное сообщество, безусловно, длительный процесс. И к нему приковано внимание многих исследователей, политических и общественных деятелей.

Более чем через 20 лет после распада СССР все интеграционные процессы, происходящие на постсоветском пространстве, вызывают активное противодействие со стороны США и их союзников, не желающих образования новых мировых сил, которые могут стать альтернативой как общественно-экономическим системам этих стран, так и глобальной политике, проводимой ими.

Говоря о ситуации после распада СССР под углом зрения будущего Содружества Независимых Государств (СНГ), известный политический и общественный деятель Индии Т. Н. Кауль писал о необходимости интеграционных процессов в мире как единственном пути к благополучному будущему: «В глобальной деревне достаточно места для сотни цветов самых различных оттенков и размеров и для того, чтобы они могли процветать вместе. Поднимется ли человечество до этой необходимости и сможет ли работать в направлении осуществления мечты единства – это еще надо увидеть. Однако, если права человека и демократия, экономический рост и социальная справедливость, понятие человеческого достоинства и равенства наций и народов могут когда-нибудь быть реализованы, то объединение – единственный путь. Это путь, на который нам указывали древние мудрецы, философы, современные мыслители и идеалисты. Это не просто риторика, а жесткая необходимость, которую человечество может игнорировать только с большой опасностью для себя» [2].

Будущее СНГ, «скроенное» на скорую руку в декабре 1992 г. в Беловежской Пуще, скорее, для того, чтобы освободить Б. Н. Ельцину путь в кремлевские кабинеты, складывалось и реализовывалось совсем непросто. Оно и сегодня с трудом прогнозируется. Именно поэтому в его структуре образовывались субрегиональные объединения «разных скоростей». Некоторые из стран выходили за их пределы, участвуя в других временных союзах. Взаимные противоречия и претензии преодолевались с большим трудом. Однако идея евразийского объединения у руководителей стран-инициаторов – Российской Федерации, Казахстана и Республики Беларусь – была устойчивой и привела к успеху.

Конечно, впереди напряженная работа, решение сложных проектов интеграции в мировое экономическое пространство, организация сопротивления опасностям изнутри и извне. Однако Евразийское экономическое сообщество (ЕвразЭС) стало исторической реальностью, вызвав большой интерес во всем мире. После распада СССР республики Центральной Азии стали своего рода открытием для

международного сообщества. Сюда обратились взоры как исследователей и политиков, так и авантюристов всех мастей [3].

Если в общественном мнении западных стран представление о Центральной Азии было ограничено идеями о какой-то зоне вековой отсталости, то исследователи, начавшие изучать новые суверенные государства, обнаружили, что этот огромный регион, расположенный между Китаем, Афганистаном, Пакистаном, Ираном, Россией и Каспийским морем, представляет собой достаточно высокоразвитую в экономическом плане зону с тысячами гектаров мелиорированных земель, устойчиво функционирующей промышленностью, городами, культурной и неисчерпаемой ресурсной базой. Эта территория никак не может быть названа «задним двором» той или иной сверхдержавы. Путешественники, которые переезжали из Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана в Афганистан или Пакистан, с удивлением обнаруживали, насколько уровень развития стран Центральной Азии в составе СССР отличается от уровня соседствующих с ними на юге.

Понятно, что сюда устремились интересы и крупных государств. Россия имеет здесь устойчивое экономическое и культурное присутствие, закрепленное столетиями совместной государственности. США двинулись в Центральную Азию в поисках мест для организации военных баз, чтобы обеспечить проведение военной кампании в Афганистане. Медленно, но неуклонно сюда движется и Китай со своими неисчерпаемыми финансовыми ресурсами для участия в разработке и эксплуатации залежей нефти, газа и других ценных минералов – алюминия, меди, урана, золота.

Понятно, что территория молодых суверенных государств, еще не имеющих опыта деятельности в условиях независимости, политической практики, становится ареной действий весьма различных политических сил, соперничающих между собой. Собственно, и эта территория, и государственность сложились в результате крупного геополитического столкновения в этом регионе в первую очередь интересов России и Англии. Еще в XIX в. Россия продвинулась вплотную к границам Афганистана, а Великобритания превратила Афганистан в своеобразный буфер, защищающий ее владения в Индии от возможной российской экспансии.

Большая часть территории того, что тогда называлось Малой Азией, отошла к Китаю под названием Син-Цзянь. На территории Средней Азии, входящей в состав Российской империи, а потом СССР, были проведены крупнейшие экономические, социальные и культурные реформы. Страны добились всеобщей грамотности, сумели преодолеть вековые трибальные и религиозные разногласия, тотальную нищету.

После распада СССР пять суверенных государств, возникших на территории Средней Азии, вошли в мир, не ожидавший их появления и встретивший их с настороженностью. Тем не менее сегодня суверенитет этих стран не подлежит сомнению, в то время как в соседнем Афганистане бушует многолетняя война, которую ведут США и страны Организации Североатлантического договора (НАТО) вроде против талибов, а на самом деле – за господство в этом регионе, в соседнем Пакистане получили приют террористические движения, в первую очередь «Аль-Каида».

Интересно, что лидер «Аль-Каиды» Усама бен Ладен, уничтоженный американским спецназом, долгие годы жил в Пакистане. Его убийство вызвало резкое охлаждение отношений США с Пакистаном, верным союзником в этом регионе.

Парадокс ситуации в том, что, несмотря на то что руководители Пакистана постоянно заявляют о своем верноподданничестве США, они предоставили северные регионы своей страны для тренировочных баз «Аль-Каиды» и террористов всех мастей. В чем есть и определенная экономическая выгода, ибо эти террористические организации пользуются неограниченной поддержкой других союзников США: Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратов. От денежных потоков, которые идут террористам, перепадает и властям Пакистана.

Суверенные республики Центральной Азии создают и реализуют программы развития, опираясь как на свое прошлое, так и настоящее. Арабские цифры, кубические уравнения, тригонометрия и десятичная система исчисления – все это родилось в государствах Центральной Азии и распространилось по всему земному шару. Ученые Центральной Азии первые вычислили диаметр Земли с точностью,

которая поражает исследователей и сегодня, а в древние времена построили великолепные обсерватории, позволившие создать на удивление точные астрономические таблицы. Многие ученые Центральной Азии были известны своими исследованиями в химии, медицине, фармакологии. Фармацевтические продукты, производимые в Центральной Азии еще в I тыс. н. э., мгновенно раскупались на Западе и в Индии.

Астроном Мухаммад ибн Муса аль-Хорезми (I тыс. н. э.), живший в Хорезме, на границе Узбекистана и Туркменистана, открыл алгоритм, который до сих пор носит его имя, а наш термин «алгебра» имеет прямое происхождение из его известной книги по математике.

Абу Наср аль-Фараби, известный на Западе как Альфарабиус, был крупнейшим истолкователем этики Аристотеля и известен на Западе наряду с Фомой Аквинским. Абу Наср аль-Фараби происходил из Пакистана, хотя и был турецких кровей.

Историки Центральной Азии не без гордости говорят о том, что халифат Аббасидов был создан правителями из Центральной Азии. Конечно, сами халифы были арабами, но рано или поздно они подвергались трансформирующему влиянию персидского и турецкого культурных миров, в которых они вынуждены были жить.

Один из халифов, аль-Мамун, после своего восхождения на трон долго отказывался покинуть Центральную Азию, управляя мусульманским миром из местности, которая теперь называется Туркменистаном. Когда он наконец переехал в Багдад, то привез с собой не только солдат-тюрок, но и более открытое и светское экуменическое мировоззрение, господствующее в Центральной Азии и представляющее собой восхитительную смесь персидской и тюркской культур.

Интеллектуальное движение из Центральной Азии на Ближний Восток чем-то напоминает перемещение греческой науки и искусства в Рим. Даже когда многие из ученых и деятелей Центральной Азии переселялись в Багдад, многочисленные арабские интеллектуалы посещали великие центры науки и культуры в Центральной Азии.

Процветающий город Гургани, расположенный в нынешнем Туркменистане, стал буквально магнитом для арабских ученых, также как и роскошный двор Газни в восточном Афганистане. Многие из ученых и государственных деятелей, которые выезжали из Центральной Азии в Багдад, возвращались потом обратно.

В конце VII в. арабские завоеватели принесли в Центральную Азию ислам. Владеющая науками и искусством, а также насчитывающая имена многих широко известных философов, Центральная Азия приняла новую религию не сразу, а постепенно. В разных регионах ему даже было оказано сопротивление.

Однако именно в Средней Азии мыслители вроде Мухаммада ибн Исмаил аль-Бухари великолепно проанализировали современную цивилизацию и религию. Суждения Мухаммада, компиляция высказываний, произведенных аль-Бухари, другими мыслителями считаются в исламе второй священной книгой после Корана.

Характерно, что одновременно с распространением ислама свободное хождение в Центральной Азии имели и светские идеи. Астроном аль-Хорезми написал книгу, истолковывающую использование индийских чисел (позже они получили название арабских) и понятие нуля. В Центральной Азии были предложены интересные истолкования индийской геометрии, астрономии, календаря. Здесь же находили применение различные алфавиты сирийского, индийского происхождения. Некоторые местные наречия использовали алфавит арамейского языка, на котором говорил Иисус.

В I тыс. н. э. трудно было представить более интеллектуально и духовно развитый регион в какой-нибудь другой части света. Исследователи отмечают многоязычие жителей Центральной Азии. Они были полиглотами, ибо им приходилось жить на перекрестке торговых путей, где говорили на многих языках и использовались многие алфавиты. И чтобы разобраться во всей этой интеллектуальной многоликости, надо было знать другие языки. Конечно, с приходом арабских армий и распространением ислама элита стран Центральной Азии вынуждена была изучать арабский и постепенно переходить на него.

Расцвет Центральной Азии в Средневековье во многом объясняется географическим расположением. Именно торговые пути, пересекавшие этот регион в разных

направлениях, создали правовую систему, обеспечивавшую защиту частной собственности, религиозную толерантность и возможность распространения идей, которые приносились с информационным потоком, создаваемым интенсивной торговлей.

Сегодня многие историки говорят о том, что такой всплеск креативности в Центральной Азии в основном вызван распространением ислама. Для этого есть определенные основания. Однако когда аль-Бухари начал свою длительную подвижническую работу, он был явно светским человеком и к мусульманской религии еще не приобщился. Аль-Фараби был убежден, что его философские исследования светской этики, безусловно, будут полезны для религии и свободомыслия.

Обсуждение религиозных проблем было характерно для Средней Азии той поры. Многие мыслители полагали, что религия хороша для масс, но интеллектуалы должны быть свободны от всяких ограничивающих воззрений. Этой точки зрения придерживался и Омар Хайям, великолепный математик, который, парадоксально, остался в памяти поколений не столько своими математическими достижениями, сколько поэтическим творчеством. В XIV–XV вв. оно получило широкое распространение в западных странах и популярно до сих пор.

Интересно, что позже, во II тыс., когда Европа сотрясалась от мощных религиозных войн, Центральной Азии удалось их избежать. Однако культурные процессы были остановлены монгольским вторжением. Чингисхан занял Центральную Азию в 1218 г. Монгольские захватчики уничтожили дотла живописные города Центральной Азии. Правда, многие из них были восстановлены благодаря тому, что монголы не препятствовали торговле и коммерции: торговые пути и приводили специалистов, способных реконструировать города.

Монголы отменили тарифы внутри своей империи, и это способствовало возрождению центрально-азиатских народов. Когда в XIII в. Марко Поло путешествовал по Центральной Азии в направлении Китая, ему не понадобились ни патенты, ни визы.

Этот кросс-культурный контакт, который Средняя Азия сохранила, в значительной степени обеспечил возможность ее более позднего возрождения. Тем не менее во II тыс. инициатива интеллектуальных новаций перешла уже в Европу, переживающую ренессанс, а Центральная Азия вступила в цикл упадка, который, безусловно, был вызван монгольским вторжением. Религиозные убеждения стали принимать ортодоксальную, неизменную форму, инакомыслие и свобода инноваций тормозились.

Но, возможно, наиболее негативное влияние на социально-культурные процессы Центральной Азии оказали морфологические, исторические реалии, которые сделали весьма затруднительным дальнейший культурный расцвет расположенных здесь государств. Этому способствовало разделение мусульманской веры на суннитскую и шиитскую, что произошло в первом поколении после смерти пророка Магомета в 632 г.

Ко времени создания первого халифата в Дамаске сунниты заняли господствующее положение в мусульманском мире, за исключением Египта. Там фатимиды и шиитская династия стали препоной на пути суннитов. Шииты-фатимиды распространили свое влияние в зону конфессионального конфликта в Персии и в Центральной Азии. Противостояние шиитов и суннитов принесло много бед мусульманскому миру. Его разрушительные силы проявляются и сегодня.

Это своеобразное введение из истории государств Центральной Азии необходимо для того, чтобы понять многие процессы конфессионального противостояния, которое характеризует жизнь этих государств и сегодня. Получение независимости после распада СССР в 1991 г. коренным образом изменило жизнь молодых суверенных государств, которые, как бывшие союзные республики, были светскими, а религия существовала где-то в глубинах общества и значимой социальной и культурно-преобразующей роли не играла.

Все изменилось уже в первое десятилетие независимости. Сотни проповедников радикального ислама, ваххабитов, двинулись на территорию центрально-азиатских республик, пытаясь навязать догмы шариата в качестве образа жизни, стиля правления и духовно-нравственного ориентира населения Средней Азии.

Видимо, можно говорить и о том, что поначалу лидеры центрально-азиатских государств совершили определенные ошибки, полагая, что с радикалами, прибывающими из-за рубежа и располагающими неограниченными ресурсами, можно каким-то образом договориться для создания своеобразного *modus vivendi* (образа жизни) религиозной веры в ее радикальном, ваххабитском, варианте и решения задач молодых государств в области светского, экономического и социально-культурного развития.

Тысячи молодых людей этого региона двинулись на учебу в университеты богатых мусульманских стран. В основном их учеба оплачивалась из государственного бюджета Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана. Там они попадали в руки радикальных исламистов и возвращались с намерениями приобщить религиозную жизнь этих стран к школам радикального ислама.

Вопросы самоидентификации, интерес к историческому прошлому, гордость за его достижения составляют важную часть общественного сознания населения, мировоззрения элит. Наряду с позитивным процессом сложного синтеза религиозных ценностей в их мусульманском варианте в сочетании с задачами светского развития в целом формирование нового общественного сознания идет очень болезненно и часто прерывается вспышками яростного радикализма.

Мировоззрение, поведенческие стереотипы, ценности, исповедуемые исламскими радикалами, как признают многие религиозные мыслители мусульманского мира, не имеют ничего общего с Кораном. Это политический радикализм, целью которого является разрушение политической власти и структур в мусульманских странах и постоянные экстремистские, террористические вылазки в различных частях света для создания общей атмосферы страха перед исламской угрозой по всей дуге расселения мусульманских народов.

К сожалению, сегодня можно констатировать, что отрицательную роль в росте террористической угрозы современному миру сыграли США. В свое время для противодействия советскому военному вторжению в Афганистан Соединенные Штаты Америки поддерживали наиболее активные радикальные элементы исламского мира. После ухода советских войск из Афганистана радикальные мусульманские организации, оказавшись не у дел, отнюдь не прекратили свое существование, а стали действовать самостоятельно, и за пределами своей страны распространяя радикальное идеологическое обоснование войны против неверных среди нищего и безработного населения мусульманского демографического массива.

Богатые государства Ближнего Востока, в частности Саудовская Аравия, являющаяся гнездом ваххабизма, снабжали эти радикальные группировки, заменив прежних спонсоров – спецслужбы США, оставивших их после ухода советских войск в Афганистане без должного внимания.

Террористический удар по башням торгового центра в Нью-Йорке, заставивший вздрогнуть весь мир, был началом того, что тогдашний президент США Дж. Буш назвал новой мировой войной против терроризма, которая требовала объединения сил всех государств, однако реализовать это было достаточно трудно.

Характерно, что инициаторами удара по торговому центру стали граждане Саудовской Аравии, верного союзника США на Ближнем Востоке. Это были выходцы из благополучных слоев саудовского общества, которые многие годы провели в западных странах, адаптировавшись к их культуре и образу жизни. Удар по США они объясняли также и мстью за постоянную поддержку Израиля, который является анафемой для радикальных джихадистов. В составе армии джихада сконцентрировались группировки, которые США готовили для противостояния СССР в Афганистане. Их лидер Усама бен Ладен стал во главе нового движения.

Объявленная Дж. Бушем война против радикального джихадизма тем не менее не смогла остановить его распространение по всему миру. Благодаря поддержке ваххабитов из Саудовской Аравии оживились террористические ячейки во всех странах, где мусульманская религия охватывает большинство населения. Чрезвычайно быстро распространяющийся радикальный джихадизм находит почву для укоренения в первую очередь в странах с массовой нищетой, создающей условия

для мобилизации необходимого числа участников джихадистского подполья. Вина Соединенных Штатов Америки состоит в том, что в войнах, которые это государство ведет непрерывно на протяжении всего XXI в., спецслужбы США сначала спонсируют организацию отрядов радикального ислама для решения своих стратегических задач, а потом, когда эти организации остаются не у дел, начинают самостоятельные радикальные действия.

Так было в Ираке после ухода американских агрессоров в 2008 г. Территория этой страны, как и Ливии, стала местом формирования отрядов воинствующего джихада. То же самое происходит сегодня в Сирии. Сначала США мобилизовали силы радикального исламского движения для свержения законной власти президента Асада, потом значительная часть этих формирований, получившая мощную западную поддержку, вышла из подчинения и организовала Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ), захватив значительные территории Сирии и Ирака.

Появление ИГИЛ создает новую террористическую угрозу в мире, так как позволяет планировать агрессию во всемирных масштабах на долгосрочной основе, а с учетом того, что часть территорий Ирака, захваченных ИГИЛ, содержит богатые нефтяные поля, мусульманский терроризм получает практически неограниченную финансовую поддержку.

Действия радикального исламизма дают о себе знать во всем мусульманском мире. И естественно, такие страны, как Казахстан и Кыргызстан, находятся в зоне повышенной опасности [4].

Эта опасность представляет собой достаточно сложный сплав внутренних и внешних факторов. Наличие в странах множества нерешенных проблем экономического и социального характера, бедность основной массы населения и безработица создают особый духовный и идеологический кризис, в котором радикальный исламизм находит благодатную почву. Радикальные исламисты, вовлекая в свои ряды все больше населения, организуют террористические акты, убийства государственных деятелей, бунты и конфликтные ситуации, поэтому представляют собой колоссальную политическую угрозу.

В качестве внешних факторов следует назвать, естественно, распространение ваххабизма в мусульманской среде этих стран, а также активное вовлечение лиц, приобщившихся к ваххабитам, в террористические проекты, планируемые мощными радикальными объединениями Ближнего Востока. Многие из радикальных экстремистов Северного Кавказа, вынужденные эмигрировать по окончании Чеченской войны, проникли в государства Центральной Азии – в Казахстан и Кыргызстан.

Переломным этапом этого проникновения исследователи называют 1999 г., который вошел в историю региона как год экстремизма. По мере того как радикальные исламистские движения Таджикистана оказались замиренными, часть наиболее агрессивных элементов переместилась в Казахстан и Кыргызстан. С учетом огромных пространств Казахстана и относительной слабости правоохранительных органов контролировать распространение радикальных исламистов предельно трудно.

Безусловно, на проникновение радикального исламизма в Казахстан и Кыргызстан влияет и факт существования горячих точек вблизи их границ – в Афганистане, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, Тибете, Северном Кавказе, Кашмире. Политический и религиозный экстремизм этих регионов, переживая поражение там, распространяется в соседние страны.

Проблема в том, что вербовка в террористические подпольные организации стала весьма популярным средством получения доходов в бедных слоях населения. Радикалы дают деньги наличными и практически немедленно. Молодежь, не имеющая работы и конкретных занятий, с жадностью бросается на эти приманки. Хотя Казахстан является тем государством, в котором религиозный экстремизм не проявился с такой силой, как в некоторых сопредельных государствах, тем не менее опасность его распространения, политическая угроза стабильности существующего общественного устройства и власти велики.

Н. А. Назарбаев проводит политику, позволяющую сохранить хрупкое общественное согласие. Однако значительные межэтнические столкновения в Жамбылской и Талды-Курганской областях настораживают не только местную, но и центральную власть.

Члены радикального объединения «Азат» организывают активные насильственные действия против инакомыслящих, вроде депортации вайнахских семей. Движения «Азат», «Алаш» и «Желтоксан» откровенно говорят о выдвигании ислама в качестве основы будущего государства.

Наилучшим средством борьбы с радикальным экстремизмом является, безусловно, политика по повышению жизненного уровня основной массы населения, конкретные проекты государственной власти по стабилизации социально-экономической обстановки, формирование доверия к существующим политическим институтам. Пока Казахстану не удается до конца осуществить планируемое. Более того, при всякой попытке применить более жесткие меры против радикальных движений они тут же уходят в подполье. В частности, в Казахстане существуют многочисленные группировки подпольного радикального ислама, действия которых направлены против усиления власти президента. Их финансируют те же политические силы, которые заинтересованы в дестабилизации внутривнутриполитической обстановки в стране.

Новой и в какой-то мере неожиданной угрозой для Казахстана является деятельность уйгурских террористических организаций, которые могут активизировать проникновение в Казахстан в случае, если Китай начнет реализовывать на западе страны долгосрочные экономические проекты. Уйгурская диаспора крайне негативно реагировала на китайско-казахский договор, согласно которому Китай получил небольшую территорию Казахстана, населенную преимущественно уйгурами. Безусловно, этот договор диктовался внутривнутриполитическими соображениями Казахстана, внешняя политика которого многовекторная и правительство заинтересовано в дружественных отношениях с Китаем.

Однако в уйгурскую диаспору проникли радикальные экстремисты, которые организуют террористические группировки, способные нанести серьезный вред политической стабильности в этих странах. Характерно, что в печати появляется информация: уйгурские организации финансируются Турцией и даже Соединенными Штатами Америки. Обе страны заинтересованы в том, чтобы остановить китайско-казахстанское сближение.

В последнее время в Казахстане увеличилось число религиозных иностранных миссий, которые заняты распространением религиозно-мистических учений, способных посеять серьезный конфликт на религиозно-этнической почве. Спецслужбы Казахстана постоянно задерживают лиц, которые под видом туристов распространяют исламскую литературу радикального толка, кассеты пропагандистского содержания и другие материалы.

После нескольких вспышек, которые, возможно, мотивированы больше социально-экономическими, чем религиозно-этническими трудностями Казахстана, власти страны достаточно умело проводят политику становления социального консенсуса между враждующими религиозными группировками и национальными меньшинствами. Однако опасность реальна, ибо всякие радикальные движения в первую очередь стремятся к изоляционизму своих стран в целях присоединения к государствам, исповедующим радикальный ислам. В этом смысле радикально-религиозная деятельность исламских экстремистов в Казахстане создает серьезную угрозу реализации проектов и планов ЕвразЭС.

Длительное время в Кыргызстане преобладало социально-политическое согласие, и в какой-то мере оно усыпило бдительность руководителей республики. В первое десятилетие после распада СССР экстремистские проявления в стране отсутствовали, ибо там не было базы, которая могла бы сложиться еще в советское время. Серьезные столкновения на межнациональной основе принесла именно эпоха перестройки.

В последние ее годы, в 1989 г. – начале 1990-х гг., под лозунгами национального возрождения и освобождения от «имперского колониализма» в республике

прокатилась волна межнациональных столкновений и выступлений, направленных на ущемление некоренных этносов – русских, узбеков и т. д. Вооруженный конфликт между кыргызами и узбеками в Ошской области в 1991 г. пролил много крови, и его долго не удавалось погасить.

Именно в это время сюда устремились радикальные исламистские организации, которые сознательно углубляли конфликт между узбекскими и культурными этносами, используя исторические претензии территориального характера (по мнению многих, южный Кыргызстан тяготеет к Узбекистану как к территории бывшего Казанского ханства). Сыграли свою роль и религиозные экстремистские организации, в том числе действующие на территории ИГИЛ.

Экономической причиной формирования националистического экстремизма в этой стране традиционно является проблемное использование плодородных поливных земель, на которых трудятся как узбеки, так и кыргызы. Понятно, что каждая из враждующих группировок в разных вариантах считает эти земли исконно своими, а в таких случаях приведение должных аргументов в пользу каждой из враждующих сторон никогда не является проблемой.

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. межнациональная напряженность в Кыргызстане усугубилась и проявлением религиозного экстремизма. Из исламских центров Афганистана, Пакистана, Узбекистана были делегированы представители фундаменталистских исламских организаций «Даават-уль ислам» и ваххабиты. Они спровоцировали сильнейшие конфликты на юге республики (в конце 1990-х гг. в Баткене, Оше, Джалал-Абаде) и столь же мощное социальное противостояние в начале XXI в.

Юг Кыргызстана – самый уязвимый с этой точки зрения регион. Большинство проживающих здесь – этнические узбеки. Они более религиозны по сравнению с коренным населением, кыргызами, которые тяготеют к «народному исламу», и менее подвержены влиянию ваххабитской пропаганды. Через узбекскую диаспору в республику идет проникновение ваххабитских, исламских верований. Городские районы страны, как правило, свободны от религиозного экстремизма, однако он популярен среди сельского населения.

В действиях религиозных экстремистов в Кыргызстане четко прослеживаются ваххабитские ориентиры, направленные на восстановление исламского государства на территории бывшего Кокандского ханства (Ошская область Кыргызстана, Худжандская область Таджикистана и Ферганская область Узбекистана). Здесь действует хорошо организованная сепаратистская организация «Фергана-Андижан-Наманган-Ош» (ФАНО), которая намеревается создать собственное государство на основе этих четырех областей.

Другой очаг напряженности возник в связи с созданием экстремистами самозванного государства ИГИЛ на территории Сирии и Ирака, которое является мощным стимулом исламского радикализма по всей дуге исламской напряженности от Алжира до Индонезии. Не миновала эта опасность и страны Центральной Азии. Все пять государств этого региона видят в существовании ИГИЛ серьезный вызов социальному порядку и безопасности на своих территориях.

Неправительственная организация «Международная кризисная группа» недавно опубликовала исследование «Зов Сирии: радикализация в Центральной Азии», где проанализированы причины, по которым лозунги и призывы ИГИЛ имеют резонанс в странах Средней Азии.

В работе, подготовленной западными экспертами (Мухаммад Тахир, Дейдрре Тайнан, Ноа Бонсей, Йоанна Паражчук, Брюс Панниер) по ситуации в Центральной Азии, задается вопрос: почему большинство жителей Центральной Азии, являющихся мусульманами-суннитами (по происхождению в основном тюрками и персами, чья недавняя история – это почти 75 лет в атеистическом Советском Союзе), поддерживают ИГИЛ, покидают свои мирные страны и идут сражаться на стороне в основном арабской группы, славящейся своей жестокостью?

По данным западных экспертов, за последние три года от 2 до 4 тыс. граждан Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана вступили в ряды ИГИЛ в Сирии. Ответ состоит в том, что в корне их мотивации лежит

репрессивная природа центрально-азиатских государств и ограничение перспектив на будущее. Это официальный ответ тем деятелям, которые, рассматривая проблемы постсоветского пространства, спешат во всем увидеть причины, указывающие на неудовлетворенность политической властью.

На самом деле это в значительной степени можно объяснить активностью радикальных исламских групп, длительное время ведущих подпольную работу в мусульманском массиве центрально-азиатских стран и вербующих молодежь, не имеющую применения своим силам и таланту дома. Это, как правило, люди без образования, не умеющие использовать современную технику, но способные овладеть «калашом» и беспрекословно выполнять команды радикалов.

Успех подпольного радикального джихадизма в Центральной Азии можно видеть и в том, что если в 1990-х гг. десятки молодых людей направлялись в Афганистан и Пакистан, где присоединялись к движению талибов, то в зону конфликта ИГИЛ едут даже молодые женщины, а иногда и целые семьи.

Здесь, конечно, дело уже не в бегстве от тяжелой социально-экономической ситуации. Вывод указанного нами исследования однозначен: люди вступают в ряды ИГИЛ скорее по религиозным, а не финансовым мотивам. Следовательно, причина – в эффективности радикальной джихадистской пропаганды, которая не встретила сопротивления со стороны религиозных авторитетов в этих странах и противоправная деятельность которой не была в свое время пресечена властями.

Одна из самых мощных линий вербовки рекрутов в ИГИЛ – это социальная сеть. Группы уже завербованных казахов, кыргызов, узбеков легко находят своих знакомых и родственников в странах Центральной Азии и привлекают их в ИГИЛ. Этот обман, к сожалению, достаточно эффективен, ибо не разоблачается ни религиозными авторитетами, ни властями. Таким образом, ИГИЛ, имея возможность доносить свои сообщения до потенциальных новобранцев из Центральной Азии, действует в среде, не оказывающей им никакого сопротивления [4].

Часть прибывающих из центрально-азиатских государств в ИГИЛ проходит соответствующую подготовку и отправляется на родину, чтобы активно участвовать там в подпольных движениях, готовящих смены политических режимов. Возвращаясь домой после соответствующей «промывки мозгов» радикальными муллами в ИГИЛ, эти люди говорят, что их задачей является «борьба с деспотическими режимами и повышение материального благополучия людей». Такие лозунги имеют определенную популярность, и формирование подпольной оппозиции создает серьезную опасность политической власти, ибо при ухудшении материального положения или возникновении кризисной ситуации это подполье может стать «детонатором» мощных массовых бунтов.

Авторы упомянутого нами доклада говорят о том, что большинство выходцев из стран Центральной Азии, которые сражаются сейчас против законной власти в Сирии, скорее всего, будут убиты. К сожалению, это правда, так как военного опыта у них нет и их, как правило, бросают на наиболее опасные участки военного противостояния. Однако десятки людей, возвращающиеся на родину для подпольной работы, составляют своего рода радикальное ополчение в мусульманской среде центрально-азиатских стран, что обуславливает долгосрочные дестабилизационные последствия.

Недавно кыргызская печать сообщила о том, что Исламское государство Ирака и Леванта выделило 70 млн долл. США для дестабилизации обстановки в Центральной Азии. Конечно, такая сумма была бы незначительной для организации подобного движения, скажем, во Франции. Однако для Центральной Азии с учетом нищеты населения это серьезная финансовая инъекция, которая может ускорить мобилизацию граждан в подпольные радикальные объединения [5].

В ИГИЛ существует боевая группа «Мавераннахр», в которую входят добровольцы из стран центрально-азиатского региона. Она готовится к тому, чтобы осуществить при удобных условиях организованное вторжение в одну из стран Центральной Азии, где, по мнению авторитетов ИГИЛ, созреет почва для смены власти.

Такая ситуация может легко возникнуть на юге Киргизии, где перемирие между этническими группировками является весьма хрупким. В целом вся Ферганская

долина последние 25 лет для многих радикальных организаций представляет огромный геополитический интерес. Зона действия ИГИЛ распространяется не только на Кыргызстан, но и на Узбекистан и Казахстан.

Уже сейчас ИГИЛ – это устойчивое образование, набравшее необычайную силу в Ираке и Сирии и увеличившее свою активность в Нигерии и Ливии, оно создает фронт в этих регионах и организует вторжение в Афганистан и Пакистан. Безусловно, в случае вторжения в Афганистан и Пакистан подпольные группировки в странах Центральной Азии будут мобилизованы на аналогичные действия. Задача ИГИЛ – обеспечить себе доминирование во всем регионе. Подпольные террористические организации в центрально-азиатских странах весьма быстро отзываются на мобилизационные стимулы ИГИЛ.

Опасность этой геополитической структуры состоит в том, что террористическая организация стала государством. Образовалась взрывная смесь, которая ставит задачу всемирно-исторического охвата через мобилизацию подпольных организаций в почти двухмиллиардной зоне мусульманского населения.

ИГИЛ посылает своих эмиссаров не только на Восток, но и на Запад, пытаясь создать всемирную сетевую структуру террористического присутствия, дестабилизирующую политическую ситуацию на Западе и Востоке при первой возможности. Волна насилия на Востоке коррелируется с такой волной на Западе, где она пока выражается в отдельных террористических актах.

Опыт ИГИЛ в сохранении своего влияния и власти растет, ее ресурсы неограниченны. Даже когда случится невероятное и ИГИЛ под давлением США и их союзников прекратит свое существование, организационная структура сохранится. И террористическая опасность для всего мира выйдет на новый уровень.

Если «Аль-Каида» и другие террористические организации, принешие столько бед мировому сообществу были все-таки относительно неизвестными, с ограниченным числом участников, то ИГИЛ, как государство-организация, обладает совершенно новыми возможностями и масштабами действий и формирует уже не отдельные террористические отряды, а террористическую армию. Мир, таким образом, столкнулся с новой силой. Наиболее уязвимыми регионами становятся те, в которых преобладает мусульманское население.

Свидетельством этой угрозы является недавняя агрессия Саудовской Аравии против бедной арабской страны – Йемена. Поводом для авиаударов по городам практически беззащитного государства стало то, что его жители изгнали действующего президента. Саудовская Аравия в кратчайший срок сумела создать союз из десяти аравийских государств без какой-либо санкции ООН. Сюда тут же устремились тысячи джихадистов из отрядов, действующих в Сирии, из ИГИЛ, превращая весь Аравийский полуостров в зону хаоса. Известный итальянский общественный деятель отмечает, что эта агрессия нацелена уничтожить шиитский Иран. За спиной Саудовской Аравии стоят спецслужбы США, Великобритании, Израиля [6]. Нетрудно представить, какие мощные террористические потоки устремятся из хаоса Аравийского полуострова в Центральную Азию.

Важно помнить, что по-прежнему подавляющее число мусульман враждебны к исламскому радикализму и осуждают его как не имеющего ничего общего со священными принципами Корана. Однако в этом противодействии новой мировой угрозе мусульманские государства являются первыми организованными силами, которые вынуждены принимать на себя новые удары радикального джихада.

Особенностью подпольных организаций радикального джихада является их международный, интернациональный характер. Уроженцы Парижа могут действовать в Афганистане, выходцы из Китая – в Сирии или Дарфуре, из Средней Азии – на Кавказе. Радикальные организации, которые западные спецслужбы готовили для противостояния с несогласными с ними режимами на Ближнем Востоке и в других странах Азии, сейчас действуют против своих же спонсоров.

Казнь японца, англичанина, американцев джихадистами на Ближнем Востоке говорит о том, что радикальные исламисты почувствовали свою силу и больше не нуждаются в покровителях. Строительство джамаата – государства из отдельных

групп мусульман, объединяющихся в целях совместного изучения ислама и радикальных действий в структурах государственного типа, ставит задачу противостояния им как части государственной политики. Пока что необходимость постоянной государственной политики в противодействии терроризму не совсем или не до конца осознается в странах, ставших членами ЕвразЭС. Однако только совместными действиями на государственном уровне можно предотвратить растущую глобальную опасность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Назарбаев Н. А. Евразийский союз. Идеи, практика, перспектива. М., 1997. С. 91–92.
2. Kaul T. N. The future of commonwealth of independent states. New Dehli, 1992. P. 83.
3. Starr F. Rediscovering Central Asia // The Wilson Quarterly. 27.12.2009.
4. Экстремизм в Центральной Азии / под общ. ред. К. Н. Бурханова. Алматы, 2000. С. 12–15.
5. Панныер Б., Клевцова А. Чем ИГ привлекает жителей Центральной Азии // Радио Азаттык, США. 10.02.2015.
6. Кьеза Дж. Аравийский плацдарм // Завтра. 2015. № 13 (1114).

Поступила в редакцию 10.04.2015.